

ны. Он чувствует скрытые силы народа. С большой симпатией писатель говорит в своих лирических отступлениях о крепостных Михееве, Степане Пробеке, Милушкине, а также других талантливых и способных крестьянах.

Белинский очень тонко заметил, что «фантазирование» Чичикова над реестром скупленных им мертвых душ — одно из лучших мест всей поэмы по глубине и по силе чувства. «Здесь поэт, — пишет Белинский, — явно отдал ему свои собственные благороднейшие и чистейшие слезы, незримые и неведомые миру, свой глубокий, исполненный грустной любовью юмор, и заставил его высказать то, что должен был выговорить от своего лица».

Хотя тема крепостного права, вопрос о взаимоотношениях помещиков и крестьян и не поставлены Гоголем в его поэме так остро, как это позднее будет сделано в произведениях Некрасова и Щедрина или даже Тургенева, но антикрепостническая направленность «Мертвых душ» совершенно очевидна. Гоголь противопоставил помещиков крепостной крестьянской массе — нищей и лишенной элементарных условий человеческого существования. Изображая помещиков жестокими эксплуататорами и угнетателями, Гоголь объективно отражал точку зрения крестьянства и тем самым служил делу освобождения русского народа.

В лирических отступлениях автор взволнованно говорит о своих раздумьях, создавая в поэме обобщенный образ Родины, предугадывая будущее России и русского народа. Конечно, в лирических отступлениях нет сколько-нибудь оформленного политического содержания или программы взглядов, но в них непосредственно выразились вера Гоголя в свою страну и тоска по лучшей доле для своего народа. Надо было пламенно любить свой народ, свято верить в его славное будущее, чтобы в пору черной реакции создать вот этот изумительный образ России, обгоняющей другие народы:

«Не так ли и ты, Русь, что бойкая не-обгоняемая тройка несешься? Дымом дымитесь под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади... Русь, куда ж несешься ты, дай ответ? Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный

в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земли, и косясь посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства».

В последние десять лет жизни Гоголь работал над вторым томом «Мертвых душ». В эти годы писатель во многом отходит от принципов критического реализма, за которые исключительно ревностно боролся в течение всей своей литературной деятельности. «...Он, — писал Добролюбов о Гоголе, — не смог идти до конца по своей дороге. Изображение пошлости жизни ужаснуло его; он не сознал, что эта пошлость не есть удел народной жизни, не сознал, что ее нужно до конца преследовать, нисколько не опасаясь, что она может бросить дурную тень на самый народ. Он захотел представить идеалы, которых нигде не мог найти; он... шагнул назад до Карамзина...».

После опубликования первого тома «Мертвых душ» автор обещал во втором томе показать несметные богатства русского духа в образах положительных помещиков. Но Гоголь не понял, что положительные герои не могли быть в кругу помещиков, — они были в среде молодой демократической России, представлявшей ее будущее. Поэтому попытке Гоголя оказались бесплодными. Добродетельные помещики Муразов и Костанжогло — не более, как схемы, лишённые жизни. Великий художник не мог идти против реалистических принципов своего творчества. Гоголь в Костанжогло был вынужден отмечать алчность, эгоизм собственника. С какой завистью о Костанжогло говорит Чичиков: «Экий чорт!.. Загребистая какая лапа!».

С отходом от передовых идей и связана творческая неудача второго тома «Мертвых душ». Этим объясняется трагедия Гоголя. Судьба Гоголя показывает, что даже гениальность не в состоянии спасти писателя, когда он изменяет прогрессивным убеждениям.

В опубликованных в 1847 году «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь стал на реакционную точку зрения. Заслуженную отповедь Гоголю дал Белинский в письме, которое Ленин в 1914 году назвал «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору».

Однако художественное наследство Гоголя в целом ни в какой мере не должно быть объединяемо с реакционной программой «Выбранных мест из переписки с друзьями». Мы можем вполне согласиться с Н. Г. Чернышевским по поводу трагедии последних лет Гоголя:

«Как ни велики твои ошибки, мученик скорбной мысли и благих стремлений, но ты был одним из благороднейших сынов России, и безмерны твои заслуги перед родиной».

★

Говоря о Гоголе-художнике, следует признать, что нет, пожалуй, в русской литературе другого писателя, который бы ввел в жизнь такое большое количество типов. Писатель всегда стремился к широкому обобщению, он умел одним-двумя словами охватить характернейший признак героя. Так, по его определению, Собакевич — «кулак», Манилов — «ни то, ни се», Плюшкин — «прорежа на человечестве» и т. д.

Гоголь черпал материал для своего творчества из социальной действительности, он не знал запретных тем как неэтических, недостойных художественной литературы. С трогательным сочувствием он создавал образы маленьких людей, рисовал тип канцелярского писца Акакия Акакиевича, «существа, никем не защищенного, никому не дорогого, ни для кого не интересного, даже не обратившего на себя внимания и естествонаблюдателя, не пропускающего посадить на булавку обыкновенную муху и рассмотреть ее в микроскоп».

Гоголь возвысил голос протеста против унижения человека, против бюрократически-капиталистического города, так подавляющего человеческую личность. Великий гуманист показал гибель художника Чарткова: «...Все чувства и порывы его обратились к золоту. Золото сделалось его страстью, идеалом, страхом, наслаждением, целью».

Только необыкновенно одаренный, чуткий к вопросам общественной жизни писатель мог в тридцатых годах XIX века выступить обвинителем капитализма.

Гоголь поставил проблему о судьбах искусства в буржуазном обществе, он залеймил эксплуататорские классы, тре-

бующие лакировки, искажения в изображении действительности.

По своим эстетическим взглядам Гоголь является предшественником революционно-демократического направления в русской литературе. Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Некрасов, Щедрин определили те творческие принципы, на которых развивались вся наша передовая литература, наше передовое искусство.

Изображая «пошлость пошлого человека», Гоголь сосредоточивает свое внимание на общественных противоречиях действительности. Он оставляет в стороне интимно-личные моменты, никогда любовную интригу не делает ведущим конфликтом в произведении. Этим самым Гоголь заложил новые художественные принципы романа и драматургии. В «Театральном разъезде» он писал: «...Вообще ищут частной завязки и не хотят видеть общей. Люди просто душно привыкли уж к этим беспрестанным любовникам, без женитьбы которых никак не может окончиться пиеса. Конечно, это завязка, но какая завязка? — точный узелок на углике платка. Нет, комедия должна ввязаться сама собою, всей своей массой, в один большой, общий узел».

Под этими словами подписался бы Салтыков-Щедрин. Этот принцип стал руководящим для писателей-демократов второй половины XIX века. Когда в «Господах тайных дел» Щедрин выступил против романа, в центре которого находится лишь жизнь семьи, а не широкие социальные вопросы, то он назвал имя Гоголя, «давно провидевшего, что роману предстоит выйти из рамок семейственности».

Дорог нам Гоголь не только своими неумирающими реалистическими произведениями, совершеннейшим писательским мастерством, но и взыскательным, требовательным отношением к искусству. Разъясняя, что такое слово, Гоголь писал: «Потомству нет дела до того, кто был вином, что писатель сказал глупость или нелепость, или же выразился вообще необдуманно и незрело. Оно не станет разбирать, кто толкал его под руку: близорукий ли приятель, подстрекавший его на раннюю деятельность, журналист ли, хлопотавший только о выгоде своего

журнала. Потомство не примет в уважение ни кумовства, ни журналистов, ни собственной его бедности и затруднительного положения. Оно сделает упрек ему, а не им».

Гоголь с исключительной силой изобразил жизнь России его времени, поражая своей «карающей лирой» паразитические элементы общества и, наоборот, вдохновенно, с сыновней любовью воспевая мать-Родину и простой народ, глубоко сочувствуя забитым и обездоленным.

Писатель создал настолько живые образы представителей всех классов общества, что они сохраняют свое значение до настоящего времени. Великие вожди человечества В. И. Ленин и И. В. Сталин широко используют образы гоголевских произведений для разоблачения наших врагов и противников. Отмечая утопизм и фразерство народников, В. И. Ленин замечал: «Манилов сидит в каждом народнике». Статью меньшевика Мартова, ратовавшего за соглашение с буржуазией, Ленин рассматривал как «образец «социал-демократической маниловщины»».

В 1921 году в письме В. И. Ленину, содержащем превосходную оценку сборника «План электрификации России», И. В. Сталин с одной проницательностью писал о погрязших в рутине критиках, указывая, что это «обывательский «реализм» (на самом деле маниловщина)...». В гениальной работе И. В. Сталина «Об основах ленинизма» говорится о необходимости бороться против «революционной» маниловщины и фантастического сочинительства». Образы из сочинений Гоголя товарищ Сталин приводил на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов в докладе «О проекте Конституции Союза ССР», в речи на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы в 1937 году.

Гоголевские образы дают нам могучее и грозное оружие для борьбы против врагов мира, социализма и демократии. Словами Гоголя, его меткими разоблачениями паразитизма, эксплуатации мы можем и сегодня развить заокеанских империалистов, гарриманов и морганов, современных покупателей человеческих душ. Свыше ста лет назад Белинский отмечал мировое зна-

чение гоголевских образов. «Те же Чичиковы, — писал великий критик, — только в другом платье; во Франции и в Англии они не скупают мертвых душ, а покупают живые души на свободных парламентских выборах!.. Парламентский мерзавец образованнее какого-нибудь мерзавца ниже земского суда; но в сущности оба они не лучше друг друга». В «Очерках гоголевского периода русской литературы» Чернышевский, говоря об Англии, замечал: «...Чичиковы там заняты биржевыми и фабричными проделками».

Гоголь дал ярчайший образ плута, проходимца, играющего на слабых сторонах людей. Чичиков — накопитель, приобретающий, полностью усвоивший дух буржуазного стяжательства, наживающий капитал обманом и мошенничеством. Гоголь гениально раскрыл античеловеческую идеологию собственника. Разумеется, происхождения гоголевского Павла Ивановича не могут идти ни в какое сравнение с махинациями современных империалистических чичиковых, но тип их тот же: ни родины, ни чести, ни совести, одно стремление к неограниченной наживе.

Необыкновенно емкая, насыщенная социальными мотивами, сатира Гоголя в наши дни служит прогрессивному человечеству для разоблачения поджигателей войны, империалистов и их полицейского режима, как в свое время она помогала передовым людям России бороться против самодержавия и крепостничества.

Творчество Гоголя содержит богатейший материал для познания врагов трудового народа и одновременно дает высокий образец борьбы со всем отжившим, мертвым, что ценно хватает живое и мешает движению вперед.

Художественные произведения Гоголя как при жизни писателя, так и после его смерти, уже свыше столетия, служат русскому народу, всему прогрессивному человечеству. Недаром Венская сессия Всемирного Совета Мира вынесла решение о том, чтобы отметить столетие со дня смерти Н. В. Гоголя во всех странах мира. Глубокой верой в будущее России дышит творчество Николая Васильевича Гоголя.

Великим русским писателем назвал его Н. В. Сталин.

А. ЕГОЛИН.